

Гвардейцы короля, гвардейцы кардинала

«Кардинал, со своей стороны, в этом отношении не уступал королю. Увидев, какой грозной когортой избранных окружил себя Людовик XIII, этот второй, или, правильнее, первый властитель Франции тоже пожелал иметь свою гвардию. Поэтому он обзавелся собственными мушкетерами, как Людовик XIII обзавелся своими, и можно было наблюдать, как эти два властелина-соперника отбирали для себя во всех французских областях и даже в иностранных государствах людей, прославившихся своими ратными подвигами».

Александр ДЮМА, «Три мушкетера».

Очень часто говорят: «государственные мужи». У них, помимо сугубо личных жен, есть и одна общая — страна, которой они управляют. Россия, в нашем случае. Всем понятно, что уже многие десятилетия эту почтенную даму унижают, оскорбляют ее достоинство. Возможно даже, что только-только у нее «увели» последние алмазные подвески. Вот только кто именно?.. Прихватизаторы? Красно-коричневые?.. Но за честь дамы вступиться надо. Так что — шпаги из ножен, господа!

Наверное, шпага и впрямь хорошее оружие. Но время заставило убедиться, что к оружию можно приравнять и перо.

Но, впрочем, по порядку. По всем виткам, так сказать, новейшей нашей истории.

Немного лет тому назад на очередном партийном форуме тогдашний первый секретарь Союза кинематографистов СССР Лев Кулиджанов по традиции начал речь с того, что поведал о волнении, с которым он слушал речь Михаила Сергеевича. «Не надо склоняться Михаила Сергеевича», — перебил его из президиума Михаил Сергеевич. Все оторопели. И поначалу даже непонятно было — от чего. То ли от неожиданности формулировки, то ли от того, что, оказывается, можно вот так нарушить плавный и благодушный ход заседания. А умудренный большим житейским опытом выступающий сразу же сделал правильный вывод: вот это урок всем нам. Так началась перестройка.

Нет, поистине кино, если и не важнейшее из всех искусств, то уж одно из наиболее остро реагирующих на сиюминутную ситуацию — точно. Равно как очень остро реагируют на ситуации и люди кино. И мне представляется вовсе не случайным, что именно с реплики в адрес первого лица в кинематографе начался отсчет нового времени.

А вот, скажем, V («пятый исторический», как тут же окрестили его) съезд Союза кинематографистов СССР продемонстрировал миниатюрную модель будущего с его сведением счетов, жадной разоблачения и разрушения. Ах, как понятны, как близки были речи, произносимые тогда! О свободе, неподцензурности, новом мышлении и прочем. Как хотелось верить, что именно в тех китах нашего кинематографа, которых принципиально не избрали на съезд и публично охаяли, и крылась причина застоя. Что именно они запрещали, резали, не давали. Что если всем людям, понимающим, что свобода — это хорошо, а несвобода — плохо, сказать: будьте свободными — то они тут же ими и станут. Что очень просто преодолеть в себе годами складывающееся почтение к высокому чинам. Что без цензуры творчество расцветет пышным цветом. (Между прочим, именно в те дни один известный зарубежный критик в узком кругу своих российских коллег убеждал: господа, но если перед вами не будет никакого барьера, то не будет и страсти к преодолению, искусства не будет! Если гостя не подняли на смех, то, видимо, только из привычного почтения к иностранцам).

Да, немного лет прошло с тех пор. Но сколько воды утекло. Что же теперь? Где те люди, которых громко окрестили «прорабами перестройки»? Две трети за границей. Преподают там, опытом делятся или ме-мумы пишут. Изредка навеж-ная домой, говорят, что все им тут

не нравится. Кроме любимой Родины, конечно. Которую они и покидают снова с чувством глубокого огорчения. Треть возглавила институты, академии, общества. И лишь единицы, считанные единицы махнули рукой на все и занялись тем, чем и положено им заниматься, — романы писать, филь-мы снимать.

Но много-много и других.

Скажем, что же наши кинематографисты, которых, естественно, больше всех любят, чаще всего узнают?.. Вот зал, хорошо знакомый нам, десятки раз мелькавший на телеэкране. Знакомые до боли лица актеров, режиссеров. Они не репетируют, не поют. Они говорят: «Дорогой Борис Николаевич, только на вас надежда, только в вас мы видим гарант демократии и свободы творчества». «Дорогой Борис Николаевич» — это тоже знакомо до боли. Равно как и звучащие тут же призывы срочно разобраться со всеми, кто не понимает, не поддерживает. С отщепенцами, словом.

А вот другой зал. Знакомый не менее. В нем меньше обожаемых кинематографистов, но зато много не менее уважаемых писателей. Вослед вчерашним речам звучат призывы и тут. «Дорогой Руслан Иманович, только в вас мы и видим...» И тоже призывы железной рукой навести порядок и разоб-раться.

Что-то происходит с нашими художниками, не внемлющими бессмертным словам классиков, призывавших не зависеть от царей и от народа. Хочется приобщиться к властимушным, хочется, чтобы тебя заметили, погладили по головке, приласкали, наградили. Составляются списки угодных там, угодных тут. Этого позвать, этого не позвать. Появляются свои любимцы. Кинематографисты-демократы никак не могут обойтись без Гайдара, Бурбулиса Писатели-реакционеры нежно воз-любили гэкачепистов. Слово для первых нет ничего более близкого, чем экономические ребусы, а вторым в былых за-творниках Бутырки видится что-то от команды гордого «Варяга»...

Гвардейцы короля, гвардейцы кардинала. Конечно, кому служить — личное дело каж-дого. Но тут ведь другой слу-чай. Любим мы их, кумиров наших, любим. И не в их ли славословиях «дорогим и люби-мым» одна из причин разоча-рования в искусстве?..

Сергей БЕДНОВ.

P. S. А вот совсем свежий пример. От имени московских композиторов к мэру Москвы обратился председатель Союза композиторов столицы Влади-мир Дашкевич. Он отметил, что московские композиторы видят в лице мэра надежного лиде-ра демократического движения, ответственного хозяйственни-ка. Ну и так далее. Между про-чим, положение композиторов, пишущих серьезную музыку, как утверждают специалисты, сейчас крайне плачевно. Их произведения остаются совер-шенно не востребованными, за небольшим исключением. Так что же заставляет их высту-пать с коллективными славосло-виями, а не бороться за свои права? Не корпеть над нотной бумагой, наконец? Впрочем, за-чем задавать неуместные воп-росы! Невольнo получается си-туация, описанная у Голсуорси. Там одна пожилая героиня спрашивает: а где находится Марсель? Во Франции, го-ворят ей. А почему?.. И никто не мог ей ответить.